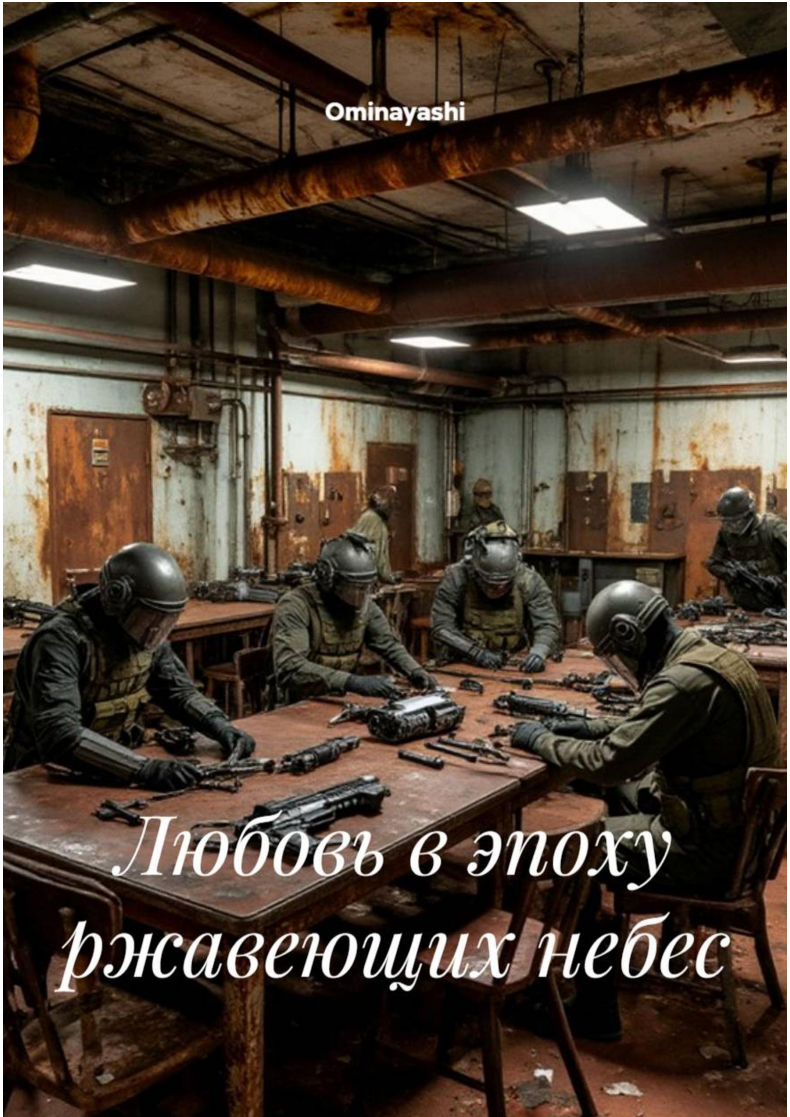

Ominayashi
Любовь в эпоху ржавеющих небес

Ominayashi Ominayashi

Любовь в эпоху ржавеющих небес

https://litres.ru/74833563
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать второй век, Брюссель, превращённый в «Свободную зону»: одиннадцатый год войны, в которой у одной стороны — весь капитал планеты, у другой — упрямство и пара украденных плазменных винтовок. Миллиардеры из «Верхнего Совета» ушли на орбитальные станции и руководят оттуда, где не пахнет жжёным миндалём и не видно, как ржавеет мир. Сандра — командир повстанцев, которая не посылает людей туда, куда не идёт сама, — засадой берёт в плен «Титана»: андроида, в котором, как выясняется, живёт человек по имени Джейк — голос из динамика, голубой свет визора и память о запахе персика. В мире, где умерла последняя птица, он оказывается живее многих: сначала источником сведений, потом союзником, потом кем-то, кого Сандра не позволит себе назвать вслух. Мох на дроновых обломках, поющий воробей из памяти, кофе, украденный у Совета, и песня из трёх нот — антиутопия, в которой конец света пахнет горячей пластмассой, а начало — чистой бумагой и дождём.

Ominayashi
Любовь в эпоху ржавеющих небес

Любовь в эпоху ржавеющих небес

Глава 1. О том, как пахнет конец света

Конец света, надо вам сказать, пахнет совсем не так, как обещали поэты. Не серой и не порохом — это для прошлого века, для войн, которые ещё умели быть благородными. Конец света пахнет горячей пластмассой, озоном от перегруженных процессоров и чем-то сладковато-горьким, как жжёный миндаль, — это горят нейросетевые кластеры, когда повстанцы подрывают ретрансляционные вышки. Ещё пахнет ржавчиной — потому что железо в этом мире больше не боится времени, оно с ним подружилось, и теперь всё ржавеет дружно и весело, будто так и было задумано.

Сандра стояла на крыше бывшего торгового центра — теперь здесь был наблюдательный пункт — и смотрела на горизонт. Горизонт в двадцать втором веке стал ненадёжным понятием. Он дрожал, подрагивал, как марево, — не от жары, нет, климат давно сошёл с ума, и жара сменялась снегопадом в один день, — а от электромагнитных полей, которыми миллиардеры опутали планету, как паутиной. По этому горизон-

ту ползли силуэты патрульных дронов — чёрные, плоские, похожие на помесь манты с утюгом. Они летали на высоте двухсот метров и стреляли во всё, что двигалось. Иногда — в то, что не двигалось. Дроны не отличали живое от неживого, и в этом были, на взгляд Сандры, трогательно похожи на людей.

Мир, в который она родилась, был миром, который мало-помалу умирал, но умирал, как говорится, стоя. Третья мировая война шла уже одиннадцатый год — впрочем, это звучит слишком громко. На самом деле она больше напоминала затянувшийся хозяйственный спор, в котором одна сторона обладала всем капиталом планеты, а другая — упрямством и парой украденных плазменных винтовок. Миллиардеры — их называли «Верхний Совет», будто название могло придать легитимность тому, что было, по сути, глобальной олигархией, — давно переселились на орбитальные станции. Оттуда, сверху, управлять было удобнее. Не нужно было нюхать жжёный миндаль. Не нужно было смотреть, как природа — то, что от неё осталось — доживала свои последние годы в серых тонах.

Природа умирала по-разному. Кое-где — эффектно, как в кино: мутантные леса Сибири, где деревья вымахали до двухсот метров и светились по ночам голубым — из-за радиационных мутаций, от которых Верхний Совет давно отмахнулся, потому что на орбите радиации не было. Кое-где — тихо и незаметно: среднеевропейские равнины, где послед-

няя трава пожелтела и легла, как сноп, и больше не поднималась, а насекомые вымерли полностью, и никто не заметил, потому что некому было замечать, — учёные давно работали на Совет, а те, кто не работал, давно не были учёными.

А кое-где природа умирала красиво. На побережье бывшей Португалии океан стал фиолетовым — из-за какого-то химического коктейля, который вылился в воду после бомбардировки фармацевтических заводов. Фиолетовый океан был невероятно прекрасен и совершенно мёртв. Рыбы всплывали кверху брюхом, и их тоже окрашивал фиолетовый, и они лежали на поверхности, как тысячи ладоней, показавших небу раскрытые пальцы. Сандра однажды видела это на снимках и думала, что если бы конец света можно было представить в виде одной картины, то это была бы именно эта: фиолетовое море и мёртвые рыбы-ладони.

Но здесь, на крыше торгового центра в бывшем Брюсселе, которым повстанцы перекрыли три квартала и объявили Свободной зоной, конца света не было видно. Был виден только горизонт — дрожащий, ржавый, накрытый сеткой дронов — и чувство, которое Сандра давно научилась заглушать: ощущение, что всё это очень ненадолго.

— Сандр, — голос за спиной принадлежал Флинну, её заместителю, бывшему инженеру-кибернетику, который ушел из корпорации «Хелиос Тек» после того, как его жену призвали на фронт и не вернули. Флинн был невысок, жилист, с лицом, на котором усталость жила, как квартирант, давно

переставший платить за жильё. — Разведка принесла данные. Завтра ночью колонна Совета пойдёт через Нашу-Долину. Восемнадцать единиц техники, два батальона андроидов и один… — он запнулся, — один офицер. С телом класса «Титан».

Сандра повернулась. Ветер трепал её короткие тёмные волосы — она остригла их три года назад, после первой стычки, когда длинные волосы чуть не стоили ей жизни: дронзахватчик зацепил их манипулятором. С тех пор она носила короткую стрижку и считала это своим единственным компромиссом с войной. Всё остальное — оружие, тактика, разрушение — она принимала как данность, но волосы были принципом.

— «Титан»? — переспросила она. — Реально? Они отправляют «Титана» через Нашу-Долину?

— Реально, — Флинн кивнул и посмотрел на неё с тем выражением, которое она у него уже выучила: смесь беспокойства и восхищения, как у человека, который рядом с тобой и боится за тебя, и гордится этим страхом одновременно. — Но это и шанс, Сандр. Если возьмём его живьём, можно вытащить маршруты. У «Титанов» в голове — всё: координаты, расписания, коды доступа. Это будет наш первый настоящий козырь за два года.

Сандра задумалась. «Титан» — это была серьёзная штука. Тела класса «Титан» делала корпорация «Хелиос Тек», та самая, из которой сбежал Флинн. Это были не роботы в

привычном смысле — не те угловатые андроиды, которые миллиардеры клепали миллионами и бросали в бой, как картонные фигуры. «Титан» — это был человек, вернее, то, что от человека осталось, пересаженный в роботизированное тело. Несчастные или павшие-и-воскрешённые офицеры армии Совета, чьи органические тела были слишком повреждены, чтобы продолжать служить, но чьи мозги были слишком ценны, чтобы их терять. Их извлекали, вживляли в титановые корпуса — тридцать сантиметров брони, сервоприводы, гидравлика, встроенное оружие, — и отправляли обратно. Они были сильнее андроидов, умнее — потому что у них была человеческая нейропластика, — и, что самое ужасное, в них ещё оставалось что-то от человека. Иногда они даже разговаривали. Говорили, как правило, очень грустно.

Сандра однажды слышала, как «Титан» — это было на одной из первых операций — перед тем, как его уничтожили, сказал: «Мне снится, что я ем персик». Граната, брошенная одним из её бойцов, оборвала фразу и саму возможность снов о персиках. Но Сандра запомнила.

— Берём живьём, — сказала она. — Сколько у нас людей?

— Двадцать четыре. Техника — два «багги» с ЭМИ-пушками, одна снайперская позиция, мины на перевале.

— Мало, — Сандра покачала головой. — Но хватит. Решаем так: удар по колонне на сужении дороги, за перевалом. Сначала ЭМИ — глушим электронику, выводим из строя андроидов. Потом мины. «Титана» берём на себя. Мне нужен

он живой и желательно не сильно повреждённый.

Флинн посмотрел на неё.

— Ты хочешь сама?

— Я хочу, чтобы всё было сделано правильно, — ответила Сандра, и это было правдой, но не всей правдой. Вторая часть правды была в том, что она не могла послать других туда, куда не шла бы сама. Это был не героизм — это был принцип управления: если ты командир, ты не распоряжаешься жизнями издалека. Ты идёшь первой или не идёшь командиром.

Ветер с гор принёс запах — не ржавчины и не жжёного миндаля, а чего-то ещё, чего Сандра не сразу узнала. Потом поняла: дождь. Настоящий дождь. Не кислотный — те были в порядке вещей, — а настоящий, чистый. Он шёл всё реже и реже, и каждый раз казался чудом, как свидание с человеком, который давно обещал прийти и наконец пришёл, хоть и на пять минут.

— Дождь будет, — сказала Сандра, глядя на небо. — Хорошо. Дождь глушит тепловизоры.

Флинн кивнул и ушёл передавать приказы. Сандра осталась на крыше. Ей хотелось посмотреть на дождь. Или хотя бы на облака, которые его принесут. Облака в этом мире тоже были неправильными — рваными, будто излохмаченными, и слишком быстро неслись, как будто торопились убраться отсюда поскорее.

Она подумала, что завтра, может быть, возьмёт в плен че-

ловека, который больше не был человеком в полном смысле слова, но который, возможно, видел сны о персиках. И от этой мысли ей стало — не страшно, нет, — а странно. Тихо и странно. Как будто она стояла на краю чего-то, чему не знала названия.

Глава 2. О танцах под огнём и о том, что значит «взять в плен»

Наша-Долина — это было название, которое повстанцы дали ущелью в тридцати километрах к югу от Брюсселя. По-старому — по довоенным картам — оно называлось как-то иначе, но названия этого мира давно перешивались заново, как распоротая одежда, и никто не помышлял о том, чтобы вернуться к прежнему крою. Ущелье было узкое, с крутыми стенами из серого камня, поросшего — невероятное дело — зелёным мхом. Мох был, кажется, единственным живым существом в радиусе пятидесяти километров, которое не воевало, не пряталось и не умирало. Мох просто рос, упрямо и безосновательно, как оптимизм.

Сандра расставила людей в три часа ночи. Дождь лил — настоящий, тёплый, крупный, с каплями размером с горошину, и каждая капля, ударяясь о камень, звучала, как маленькое обещание, что мир ещё не до конца сошёл с ума. ЭМИ-пушки стояли на позициях — две самодельные, собранные Флинном из деталей списанных дронов и деталей, которые удалось выменять у чёрных торговцев в портовых трущобах

бывшего Роттердама. Пушки выглядели уродливо — словно два перекормленных пылесоса с антеннами, — но работали. Флинн клялся, что работают, и Флинну Сандра верила.

Мины были установлены на дороге — плазменные, армейские, украденные с военного склада полгода назад во время операции «Ржавый гвоздь». Они лежали под слоем щебня, как спящие кошки, и ждали.

Сандра лежала на выступе скалы, укрытая маскировочной тканью, и смотрела вниз. Рядом — Марта, снайпер. Марта была моложе Сандры, ей едва исполнилось двадцать. У неё были рыжие волосы и невероятно зелёные глаза — цвет, который в этом мире, где палитра природы свелась к серому и ржавому, казался почти революционным. Марта была из тех людей, которые влюбляются в жизнь так крепко, что даже война не может это чувство отнять, — она смеялась, ела с аппетитом, спала без кошмаров и стреляла так точно, что Сандра однажды сказала ей: «Если бы я была богом, я бы тебя побоялась». Марта засмеялась, но винтовку не опустила.

— Вижу движение, — прошептала Марта, прильнув к прицелу. — Двадцать три градуса слева. Три… нет, четыре единицы. Передовой отряд. Андроиды, серия «С», шагающий строй.

Андроиды серии «С» были самой массовой моделью — дешёвые, лёгкие, с минимальным интеллектом. Они шли в колонну, как солдатики в музейной диораме, и Сандра каждый раз поражалась: зачем Совету делать их такими похо-

жими на людей? Зачем им ноги, когда колёса эффективнее? Зачем руки, когда можно поставить турели? Ответ был, по-видимому, в психологии: Совет хотел, чтобы враг видел в них солдат, а не машины. Чтобы убивать их было тяжелее. И это работало, подумала Сандра, потому что её собственные люди — некоторые, не все, — всё ещё вздрагивали, когда стреляли в андроидов, те падали по-человечески.

— Подождём, — сказала Сандра. — Пусть пройдут передовой отряд. Бьём по основной колонне, когда покажется «Титан».

Они ждали. Дождь лил. Мох на камнях блестел, как изумрудная бахрома, и Сандра подумала — мимоходом, как думают о мелочи, которая на самом деле не мелочь, — что если бы она не была командиром повстанцев, она, возможно, занялась бы мхом. Лишайниками. Почвоведением. Чем-нибудь, что растёт вопреки всему. Но жизнь — или, вернее, история — выбрала для неё другую дорожку, и свернуть было некуда.

Передовой отряд андроидов прошёл. Они двигались синхронно, чётко, и их шаги звучали как метроном — тик-так, тик-так, — только это был метроном войны, и он отсчитывал не музыку, а секунды до взрыва.

Потом показалась колонна.

Сандра увидела его — «Титана» — и сердце её, несмотря на всё, что она видела на войне, забилось быстрее. «Титан» был — нет, он не шёл. Он двигался, он тек, он ступал так, как

будто земля под ним была чем-то, что он мог позволить себе не замечать. Его корпус был матово-чёрным, с подсветкой — тусклые голубые линии по швам брони, как вены в теле, которое давно перестало быть человеческим. Он был выше обычного андроида на полголовы и шире в плечах, и в его движениях была такая нечеловеческая, невозможная плавность, что Сандра поняла: это не программа. Это — остатки человека. Машина не двигается так. Машина двигается правильно, но без этой странной, почти танцевальной легкости, которая выдаёт кого-то, кто когда-то умел ходить по земле и помнил это.

— Вот он, — сказала Марта.

— Вижу, — ответила Сандра. — Пошла. ЭМИ — на мой сигнал.

Она подняла кулак. Подождала три секунды. Дождь бил по маскировочной ткани, и капли стекали по рукаву, по кисти, по пальцам, и Сандра чувствовала их — тёплые, живые, — и думала: сейчас.

Кулак разжался.

ЭМИ-пушки выстрелили — беззвучно, без вспышки, просто — волна, которую нельзя было увидеть, но можно было почувствовать, как лёгкий удар в зубах, во рту, как вкус алюминиевой фольги. И внизу, в ущелье, андроиды начали падать. Один за другим, как кегли. Их ноги подламывались, руки дёргались, голубые индикаторы на их «лицах» — плоских, с прорезями для «глаз» — мигали и гасли. Серия «С» не

имела защиты от ЭМИ — слишком дёшево, слишком просто. Они падали, и дождь хлестал по их телам, и вода собиралась в лужи вокруг них, и казалось, что это андроиды плачут, хотя, конечно, они не плакали и не умели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.